

—

Дуань Янь вошел в комнату и бросил взгляд на кровать. Увидев, что Сун Фэнсуй наконец-то очнулся, он невольно тихо выдохнул.

Ранее Ань-гэр заходил в комнату проведать больного и спустя короткое время в спешке выбежал оттуда. Он рассказал, что Сун Фэнсуй не просто крепко спит, но и весь так сильно горит, что его бледное лицо залило пунцовым румянцем. Эти симптомы были крайне похожи на бушевавшую сейчас в сельской местности эпидемию.

К счастью, приходившая осмотреть его женщина-лекарь успокоила: действие вчерашнего лекарства прошло, но из-за слабости тела и пережитых волнений юноша подхватил простуду и у него поднялся жар, так что это не было заражением эпидемией.

Но пусть даже это была не эпидемия, человек так долго не приходил в себя, что Дуань Янь неизбежно запереживал. Перехватив у лекаря рецепт, он поспешил проследить за приготовлением отвара.

Впрочем, хотя юноша сейчас и очнулся, выглядел он по-прежнему крайне слабым. Он бессильно опирался на постель, пряди его длинных волос в беспорядке рассыпались по плечам, лихорадочный румянец на щеках так и не сошел, а сил в нем, казалось, было еще меньше, чем вчера вечером.

Глядя на него в таком состоянии, Дуань Янь почувствовал укол вины. Сердце, только-только отпустившее тревогу после пробуждения юноши, невольно вновь сжалось.

— Ань-гэр.

Дуань Янь позвал помощника, знаком велел ему подойти.

Он передал ему чашу с лекарством и наставил подойти ближе, чтобы напоить Сун Фэнсуя, сам же остался стоять в стороне, не приближаясь.

Это было к лучшему: так юноше не пришлось бы тратить последние силы на настороженность и защиту при виде него. К тому же сейчас его собственное тело немного пришло в норму, и пусть в голове все еще стоял тяжелый туман, по крайней мере, кровь и ци больше не бурлили так яростно.

Он также опасался, что если подойдет к Сун Фэнсую слишком близко, то снова сработает какая-нибудь странная сюжетная установка.

Полулежа на мягких подушках, Сун Фэнсуй опустил взгляд и незаметно покосился на Дуань Яня. Он промолчал, но тактичность Дуань Яня пришлась ему по душе. Поэтому он медленно, глоток за глотком, выпил все лекарство.

Видя, что юноша послушно принимает лекарство и не капризничает, Дуань Янь испытал легкое облегчение. Когда с отваром было покончено, он снова спросил:

— Ты голоден? Я ранее купил на улице немного жидкой каши, а только что попросил тетушку Ли на кухне подогреть ее. Или, может, ты хочешь съесть что-нибудь другое? Я пойду и принесу.

Сун Фэнсуй слегка промокнул уголки губ, подумав про себя: «Почему этот человек ведет себя точь-в-точь как моя бабушка? Стоит только увидеться, как сразу спрашивает, не голоден ли, а затем принимается хлопотать о еде. Такой молодой, а ведет себя как старик».

Разумеется, вслух он свои мысли высказывать не стал, как и не озвучил никаких пожеланий в еде. Вместо этого он произнес:

— Ань-гэр, сходи принеси.

Брови Дуань Яня слегка дрогнули. Он решил, что Сун Фэнсуй просто не желает его видеть и не хочет с ним разговаривать, поэтому, заметив, что Ань-гэр выходит, поспешил последовать за ним, словно унося ноги.

Увидев это, Сун Фэнсуй невольно нахмурился. «Почему этот человек не только ведет себя как старик, но и такой робкий? Неужели он не видит, что я просто хотел отослать постороннего, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз?»

Ему ничего не оставалось, кроме как окликнуть уходящего:

— Мне нужно кое-что сказать тебе.

Уже добравшийся до дверей Дуань Янь, услышав голос, остановился и невольно обернулся, чтобы посмотреть на постель.

Когда маленький красавец был спокоен и сдержан, он походил на цветок белой камелии в глухом лесу. Дуань Янь неловко кашлянул:

— В чем дело?

Сун Фэнсуй выпил лекарство, и хотя вкус у него был отвратительным, оно смягчило горло, поэтому говорить стало немного легче.

Он прямо спросил Дуань Яня:

— Что мне нужно сделать, чтобы ты отпустил меня?

У него не было сил тратить время на пустые словесные любезности, он лишь хотел узнать истинную цель этого человека. Если это было в его силах, лучше сразу все обсудить начистоту, чем попусту терять время, как сейчас.

Услышав этот вопрос, Дуань Янь подумал, что как раз собирался поговорить с ним об этом, а потому воспользовался случаем и мягко объяснил:

— Я и не думал ограничивать твою свободу. Ты можешь уйти в любое время, когда захочешь, и делать все, что пожелаешь. Но сейчас твое тело слишком слабо, к тому же у тебя сильный жар. В таком состоянии ты просто не сможешь ничего предпринять.

— Я имею в виду, что тебе стоит дождаться, пока здоровье хоть немного восстановится, и тогда уйти — будет еще не поздно. Спокойно лечись здесь, в это время я абсолютно точно не стану тревожить тебя своими визитами. Если тебе все еще не по себе, я могу на это время уйти жить в лавку.

Прошлой ночью Дуань Янь так и не сомкнул глаз, передумав о многом.

Раз уж теперь он занял это тело и получил шанс на новую жизнь, ему следовало принять как хорошие, так и дурные поступки прежнего владельца и понести за них ответственность.

То, что Сун Фэнсуй оказался в таком состоянии, было неразрывно связано с прежним Дуань Янем, но также сыграло роль и то, что он сам вчера вечером не уладил все как следует. Он не мог — да и совесть не позволяла — довести человека до такого состояния, а потом просто выставить за дверь.

Хотя он и сам надеялся, что Сун Фэнсуй поскорее вернется к себе — в конце концов, вспоминая, как накануне он сам распалился перед этим юношей-гэром, Дуань Янь до сих пор чувствовал неловкость. Если бы не необходимость решить проблему, ему было бы стыдно снова приближаться к нему.

Но отпустить его прямо сейчас — хоть это и выглядело бы как исполнение его просьбы — на деле означало бы толкнуть юношу прямо в огненную яму.

С его нынешним хрупким здоровьем и с такой приметной внешностью, в подобном городке, едва он сделает шаг за порог с больным телом, его в тот же миг могут снова похитить другие люди.

Дуань Янь просто не мог допустить, чтобы подобное случилось. Ради этого, пусть даже юноша превратно истолкует его намерения, ему все равно нужно было позаботиться о его здоровье.

Взгляд Сун Фэнсуя дрогнул. Должно быть, во время болезни воля человека действительно становится более уязвимой. Услышав слова Дуань Яня и видя его честный, немного простоватый вид, совсем не похожий на изворотливость обычных мужчин, он почувствовал, что этому человеку можно немного довериться.

К тому же Дуань Янь говорил чистую правду: в его нынешнем состоянии он физически не доберется обратно.

И хотя в глубине души Сун Фэнсуй по-прежнему считал, что в его положении чужая доброта и предупредительность не могут быть бескорыстными, Дуань Янь проявлял искреннее дружелюбие и не выказывал злобы. Разумеется, сам он тоже не стал бы в своем немощем состоянии упрямиться и лезть на рожон.

Поэтому он временно спрятал свои острые шипы и холодность.

— Мой дедушка заразился эпидемией. Он и так уже в преклонных годах, а во время ссылки его здоровье было окончательно подорвано. Если вовремя не оказать ему помощь, он неизбежно погибнет. К тому же эта эпидемия крайне заразна. Члены семьи заботятся о дедушке, постоянно заходя и выходя из одной комнаты, боюсь, они тоже могли заразиться.

— Даже если по счастливой случайности болезнь не обострилась, а домашние не заразились, я отсутствую дома уже два дня, и от меня нет никаких вестей. Представь, как сильно они тревожатся. Как я могу со спокойной душой оставаться здесь, бросив семью на произвол судьбы?

Дуань Янь крепко нахмурился. Он понимал чувства Сун Фэнсуя — любой нормальный человек на его месте испытывал бы то же самое.

Хотя ему не хотелось прибавлять юноше тревог, он все же должен был рассказать ему правду, ведь тот имел право знать истинное положение дел.

Дуань Янь тихо вздохнул:

— Я как раз хотел сказать тебе об этом, но боялся, что ты начнешь переживать. Деревня Лю сейчас полностью заблокирована из-за вспышки эпидемии. Чтобы не допустить дальнейшего распространения болезни, находящимся внутри запрещено выходить, а тем, кто снаружи — заходить внутрь.

Услышав это известие, Сун Фэнсуй на мгновение застыл, а затем рванулся, пытаясь подняться с кровати.

Сидевший неподалеку Дуань Янь при виде этого резко вскочил:

— Не паникуй, мы что-нибудь придумаем! Если ты будешь так реагировать, как я посмею впредь говорить тебе правду!

Сун Фэнсуй немного прислушался к его словам. Он вцепился в край кровати так, что побелели костяшки пальцев, но все же не стал спускаться на пол.

Он поверил словам Дуань Яня не слепо — он и сам прекрасно знал, что когда в каком-то месте вспыхивает трудноизлечимая эпидемия, его действительно быстро изолируют, чтобы сдержать распространение.

Видя, что тот немного успокоился, Дуань Янь поспешно добавил:

— Входы в деревню охраняются правительственными людьми, так что пробраться туда в открытую сейчас точно не получится. Для начала я попробую найти нужные связи, чтобы подкупить охрану и передать весточку твоей семье. Так они узнают, что ты в безопасности, а мы заодно разузнаем, как обстоят дела у тебя дома, чтобы ты был в курсе.

— Хоть в болезни и спокойнее, когда родные рядом, но в деревне свирепствует эпидемия. С твоим нынешним здоровьем, даже если бы удалось подкупить стражу и пропустить тебя внутрь, вернувшись, ты не только не смог бы позаботиться о семье, но и сам быстро подхватил бы заразу.

— Твои родные, узнав, что ты в порядке, скорее всего, наоборот, не захотят, чтобы ты возвращался и рисковал жизнью.

Сердце Сун Фэнсуя слегка дрогнуло. Помолчав немного, он произнес:

— Кажется, я знаю, как бороться с этой заразой, поэтому я обязан вернуться.

Дуань Янь на мгновение замешкался. Он помнил, что в книге действительно упоминалось, будто Сун Фэнсуй владел медицинским искусством, но насколько хороши были его навыки, конкретно не объяснялось. Он сказал:

— Если ты умеешь лечить эту эпидемию — это прекрасно. Но ты ведь не бессмертный небожитель, который может исцелить человека одним взмахом пальца, в конце концов, для лечения все равно нужны лекарства.

Эти слова задели Сун Фэнсуя за живое. Причина, по которой он попался в ловушку, крылась именно в этом: у него были идеи, как лечить болезнь, но не было необходимых лекарственных трав.

От безысходности ему пришлось пойти на сделку с Чэнь Ху. Изначально он планировал одолжить у того лекарства для лечения своей семьи, а взамен предоставить Чэнь Ху способ борьбы с эпидемией.

Любой мало-мальски умный человек согласился бы на такую выгодную сделку. Кто же знал, что этот человек ни капли не поверит, будто какой-то маленький гэр способен лечить и спасти людей, да еще от такой смертоносной болезни. Вместо этого он осыпал его оскорблениями, насмехаясь, что с таким лицом его талантам самое место в постели у мужчин.

А после этого его опоили лекарством и связали, отправив сюда.

Теперь, размышляя об этом, он понимал, насколько был наивен. Гуйчжоу глухое и отдаленное место, закрытое и отсталое. Мужчины здесь — закон, они крепко держат все под своим контролем. Это место ни капли не походило на процветающую и просвещенную столицу, где было множество выдающихся женщин и гэров, заслуживших всеобщее признание.

Здесь мужчины в своей изоляции были преисполнены спеси и высокомерия. Они ни за что не стали бы считаться с силами гэра, который в их глазах существовал лишь как приложение к мужчине, и судили о людях исключительно по внешности.

Дуань Янь не знал, о чем тот думает, и продолжал излагать свой план:

— Сделаем так, как я сказал: сначала я свяжусь с твоей семьей. А ты тем временем послушно принимай лекарства и отдыхай. Как только спадет жар и наберешься сил, мы соберем нужные травы, приготовим лекарство и найдем способ вернуть тебя обратно.

— У тебя есть план лечения эпидемии, на тебе лежит надежда всей твоей семьи, это огромная ответственность, поэтому тебе тем более нужно в первую очередь позаботиться о собственном здоровье.

Услышав это, Сун Фэнсуй невольно повернул голову и пристально посмотрел на Дуань Яня:

— Ты веришь, что я действительно могу вылечить эпидемию?

Дуань Янь особо не задумывался над этим вопросом. Он ответил:

— Верю я или нет — это не так уж важно. Главное — попытаться.

Сун Фэнсуй слегка нахмурился. Он словно пытался разглядеть в этом человеке причину такой предупредительности и широты взглядов, но чужую душу так просто не понять.

Поэтому он спросил напрямую:

— Зачем ты мне помогаешь?

Дуань Янь встретился взглядом с этими глазами-фениксами — они по-прежнему были пленительно красивы, но из-за болезни казались куда менее живыми, чем вчера вечером. Было видно, как сильно измучило юношу недомогание.

И даже увядая от болезни, он ни капли не жалел себя, все его сердце было занято мыслями о семье.

Дуань Янь едва заметно вздохнул:

— Вместо того чтобы говорить, будто я помогаю тебе, лучше сказать, что я исправляю последствия прежних дел. Ты мирно жил со своей семьей, но мои люди притащили тебя сюда, заставив пережить сильный испуг, да еще и довели до того, что ты слег с болезнью и не можешь подняться с постели.

— Я делаю лишь то, что обязан. Тебе не нужно чувствовать себя должником.

Сун Фэнсуй промолчал, не зная, что ответить.

Эти слова были настолько благородными, что он просто не находил возражений. Раньше, когда его семья в столице процветала, ему часто доводилось слышать подобные заботливые и приятные речи.

Но стоило дедушке лишиться должности, как семья оказалась втянута в беду, а богатство и знатность рухнули в одночасье. Те самые люди, что прежде вели себя перед семьей Сун скромно и благородно, вмиг переменили лица — каждый стал до крайности мелочным и ядовитым, готовым при случае посильнее пнуть павшего.

За время долгого пути в ссылку он сполна познал всю изнанку человеческой злобы, с которой никогда прежде не сталкивался.

И вот сегодня, когда его судьба уподобилась болотной ряске, которой каждый волен распоряжаться как вздумается, он вдруг снова услышал такие слова. Даже в его ожесточившемся сердце на мгновение всколыхнулись сложные чувства.

Он опустил ресницы и тихо произнес:

— Пожалуйста, помогите узнать новости о моей семье. Я постараюсь поскорее поправить здоровье.

Видя, что Сун Фэнсуй прислушался к доводам, Дуань Янь мысленно похвалил его за ум. Этот юноша не был из тех, кто умеет лишь бездумно капризничать, а значит, можно было избежать множества ненужных хлопот.

Когда Ань-гэр вернулся, неся поднос с кашей и двумя тарелками легких пресных закусок, они больше не проронили ни слова — можно было считать, что они пришли к согласию.

— Сначала поешь чего-нибудь. Как поешь, решишь: написать ли письмо семье или передать какую-то памятную вещь, по которой они тебя узнают, а я позабочусь о доставке.

Дуань Янь взял маленький низкий столик, предназначенный для использования прямо на кровати, и попросил Ань-гэра установить его перед Сун Фэнсуем, а затем расставить блюда.

Сун Фэнсуй ничего не ел со вчерашнего вечера, его тело и без того было истощено, и если не принять хоть немного пищи, то о восстановлении сил не могло быть и речи — от одних лишь горьких лекарств на пустой желудок ему станет только хуже.

Купленная утром каша была не слишком густой, но после того как ее дважды разогрели, она заметно уварилась и стала мягче, так что ее было легче проглотить.

Увидев кашу и закуски, Сун Фэнсуй не стал капризничать и отказываться от еды. Вчера в его желудок не попало ни рисинки, и тот уже начинал глухо поднывать от голода.

Ань-гэр протянул руку с пиалой, собираясь покормить его, но юноша отказался:

— Я сам.

Ань-гэр невольно покосился на стоявшего рядом Дуань Яня и, заметив его легкий кивок, уступил желанию Сун Фэнсуя.

Зачерпнув маленькую ложку каши и медленно отправив ее в рот, Сун Фэнсуй сделал это не из боязни обременять других — он просто не любил, когда выбор еды зависел от чужих рук.

Вот как сейчас: стоило его языку ощутить вкус пресной каши, он тут же понял, что это совсем не то, что ему по вкусу. Если бы его кормил кто-то другой, у него не было бы даже возможности уклониться, а когда ешь сам, можно подолгу смаковать каждую крошечную порцию, отправляя в желудок как можно меньше.

Этот навык он усвоил еще с самого детства.

И хотя каша совершенно не соответствовала его вкусам, он ничего не сказал, а лишь механически продолжал подносить ложку ко рту, заставляя себя съесть побольше.

Когда-то в столице он был чрезвычайно изнеженным человеком: если блюдо не приходилось ему по вкусу, он ни за что не прикоснулся бы к нему своими нефритовыми палочками и был известен своей крайней привередливостью.

Позже, в ссылке, когда приходилось жить впроголодь, а затем и после обустройства в деревне Лю, жизнь оставалась суровой, так что времени привередничать и отказываться от еды у него не было.

Подчиняясь обстоятельствам, он уже избавился от многих замашек молодого господина. Когда он был здоров, он заставлял себя есть все подряд, не выбирая, хороша еда или плоха на вкус, и у него это неплохо получалось.

Но стоило ему заболеть и ослабнуть, как бывшие привычки скопом полезли наружу, превращая его в крайне разборчивого и требовательного едока.

Одолев чуть меньше половины пиалы, он почувствовал, что больше не сможет проглотить ни ложки.

С легким чувством вины отложив ложку, он невзначай скользнул взглядом в сторону Дуань Яня, который стоял неподалеку и следил за ним с видом строгого наставника, проверяющего домашнее задание ученика.

Сун Фэнсуй заметил, как тот отчетливо нахмурился. Он приготовился услышать упреки и требования продолжить еду, но, вопреки ожиданиям, Дуань Янь лишь поджал губы, велел ему немного отдохнуть и вышел из комнаты, чтобы принести бумагу и кисть.

Сун Фэнсуй сам не понимал почему, но из-за такой мелочи в его груди разлилось слабое облегчение.

Выйдя из комнаты, Дуань Янь сдвинул брови, лихорадочно роясь в памяти:

«В первой главе, где описывалась яркая внешность Сун Фэнсуя, кажется, вскользь упоминалось, что он был жутко разборчив в еде».

Глядя, как юноша сейчас ел кашу, было очевидно, что та пришлась ему не по вкусу и он едва заставлял себя глотать. Конечно, оставалась вероятность, что тот просто сильно тревожился о семье, из-за чего у него пропал аппетит.

Но Дуань Янь рассудил так: человек не ел столько времени, к тому же они только что обсудили все дальнейшие планы, так что какой бы сильной ни была тревога, она не могла унять голод за столь короткий срок.

Интуиция в сочетании с книжным сюжетом подсказывали ему: этот молодой гэр попросту привередничал в еде.

Сделав несколько шагов, Дуань Янь направился напрямиком на кухню.

Нужно было дать тетушке Ли пару особых наставлений.

—

<http://bllate.org/book/17884/1718252>